

Валерий Шилин

В мире стрелкового оружия существует замечательная традиция – называть образцы в честь их авторов. Нам, россиянам, в этом смысле есть, чем гордиться. Стоит вспомнить такие имена, как Токарев, Дегтярёв, Симонов, Шпагин, Макаров, как ваш собеседник сразу называет конкретные модели: пистолет, пулемёт, снайперская винтовка, противотанковое ружьё, самозарядный карабин, пистолет-пулемёт... Ижевск, город-оружейник, знаменит тем, что здесь создавались широко известные во всем мире системы Калашникова и Драгунова. Что же принесло славу этим образцам? Прежде всего, это исключительная надёжность в самых жесточайших условиях эксплуатации и высокая боевая эффективность.

Евгений Фёдорович Драгунов с сыновьями Алексеем (в центре), Михаилом, дочерью Еленой (справа) и её подругой

Драгунов: человек и винтовка

Оружие это не только надёжный агрегат. В своей винтовке или автомате боец видит нечто большее. Я знаю случаи, и это не какие-то исключительные факты, когда боец и днюет и ночует со своим боевым «напарником», если можно применить такое слово в отношении оружия, холит его и бережёт.

Как-то был у меня разговор с одним из ветеранов наших вооружённых сил, прошедшим и финскую войну, и войну с немцами, да и на Дальнем Востоке повоювал. Тогда он сказал, что в том, кто для тебя создал оружие, есть глубокий патриотический смысл. Если, к примеру, взять шведа или турка, где на вооружении стоит в основном американское и немецкое стрелковое оружие, то солдат здесь идёт в бой просто с выделенной ему штатной единицей. В России – дело другое. У нашего бойца его оружие – есть соотечественник. И у того, и у другого одно происхождение, одна Родина.

О Михаиле Тимофеевиче Калашникове сейчас известно если не почти все, то, по крайней мере, очень многое. Написаны многочисленные статьи и монографии как у нас в России, так и за её пределами. Сам Михаил Тимофеевич является автором трёх замечательных книг о своей жизни и труде, о товарищах и соратниках.

Удивительно, но о Драгунове мы больше знаем как о конструкторе, но практически ничего – о человеке. О нём мало что написано, если не считать статей в различных журналах и газетах да тоненькой книжки, выпущенной «Ижмашем» несколько лет тому назад.

С самим Евгением Фёдоровичем Драгуновым я был мало знаком – то ли я был недостаточно напорист, то ли он, скромный и сдержанный человек, не стремился идти на контакт. Сказывалась и солидная возрастная разница.

Приходилось довольствоваться больше архивными и музейными материалами, изучением созданных им многочисленных образцов стрелкового оружия. Многие о своем отце поведали мне его сыновья Михаил и Алексей.

Довелось мне познакомиться

Первое в жизни фото. Лето 1921 года, Женя Драгунов с мамой. Не правда ли символично, среди любимых игрушек – молоток, инструмент будущего создателя

и с вдовой Евгения Фёдоровича, Лидией Николаевной. Побывал я у неё дома вместе с давнишним другом семьи Драгуновых, сотрудницей ижмашевского музея Галиной Ковалюх. Знакомство с кабинетом конструктора, его библиотекой и семейным фотоархивом позволило более точно разобрать-

ся в различных моментах его интереснейшей биографии.

Евгений Фёдорович Драгунов родился 20 февраля 1920 года в г. Ижевске, в семье потомственных оружейников. Ещё его дед работал на Ижевском заводе мастеров.

Свои способности Женя про-

*Ижевск, Широкий пер., 7.
Дом, в котором Е. В. Драгунов жил с семьёй с 1950 по 1964 год*

явил уже в детстве. Читать и считать он умел с пяти лет. В семь пошёл в школу, хотя возрастной ценз для «нормальных» детей был девять лет. Особенно хорошо ему давалась математика, однако он никогда не стремился быть в числе «пятерочников». По его собственному признанию «у него были и другие, более важные мальчишеские дела».

В 1934 году, закончив семилетку, Евгений задумал продолжить образование и поступить в ФЗУ – фабрично-заводское училище. Однако четырнадцатилетнему пареньку сделать это было нелегко – ФЗУ начинало приём только с шестнадцати.

В то время в Ижевске для подготовки специалистов среднего звена по машиностроительным и металлургическим специальностям открылся новый Индустриальный техникум. В то время Евгений был крупнее своих сверстников. Вот и решил он рискнуть. Подал заявление, но свой истинный возраст скрыл. Вступительные экзамены сдал успешно. Когда начались занятия, он и здесь показывал хорошие результаты в учебе. Поэтому после того, как его хитрость была всё же раскрыта, исключить его из техникума уже никто и не подумал – сказывалось его добросовестное отношение не только к учёбе, но и к всем порученным делам.

По окончании техникума, ему была присвоена квалификация: механик-станочник 3-го разряда.

Закончив учебное заведение, Евгений пошёл в технику по обработке металлов резанием всё на том же оружейном заводе. Приняли его в лужеинный цех. И здесь дело у него спорилось. Был у паренька цепкий ум и умение в оружии видеть то, что не каждому человеку дано. Тут бы и пошёл он в гору, но жизнь распорядилась иначе – летом 1939 года призвали его в армию, и направился солдат Евгений Драгунов служить на Дальний Восток в 237-й артилле-

рийский корпус, отделение артиллерийской разведки. Два месяца спустя, его направили в школу младшего командного состава. Пройдя двухгодичный курс подготовки, Драгунов получает звание младшего командира взвода, но вместо обычной строевой части его направляют в Школу оружейного мастерства.

Говоря об этом периоде жизни Драгунова, невольно приходишь к мысли, что такое решение у командования возникло не случайно. У молодого человека была любовь к оружию, он отлично стре-

*Послание матери с Дальнего Востока:
«Дорогой и любимой маме от сына-красноармейца.
24.2.40. г. Хабаровск»*

лял. Эти его качества, помноженные на трудолюбие, и определили его дальнейшую профессиональную ориентацию.

Ещё четырнадцатилетним мальчишкой, он увлеклся охотой. С гордостью выходил Женя Драгунов в поле или лес с «Маннлихером» модели 1895 года, переделанным под 28 калибр.

В 1934 году за отличные результаты в стрельбе из малокалиберной винтовки ему было присвоено звание «Ворошиловский стрелок II степени».

Будучи студентом, Евгений по-

сещал клуб спортивной стрельбы и сумел завоевать несколько призов.

Проходя воинскую службу, Евгений никогда не испытывал трудностей в сдаче стрелковых нормативов. Оружие он знал так хорошо, что мог разобрать и собрать винтовку с завязанными глазами. Однажды в часть прибыл инспектор из округа. Накануне проверки командир части вызвал к себе Драгунова и выдал ему винтовку Мосина, чтобы тот потренировался и смог показать соответствующий результат. Однако в тот же день Драгунов докладывает командиру, что винтовка не может обеспечить приличного качества боя – штык был плохо прикреплен и «тарыхтел» при каждом выстреле. То ли, не придав значения замечаниям бойца, то ли впопыхах, командир отпарировал тем, что, дескать, винтовка в полном порядке и не морочь тут людям голову. Драгунов не стал вступать в спор – с командиром не сильно-то поспоришь – пошёл в мастерскую и поправил крепление штыка.

В назначенный день инспектор прибыл на стрельбище. Драгунов отстрелял положенное упражнение. Инспектор взглянул на мишень и сделал замечание: «Группа компактная, но почему она легла со смещением от центра?»

Командир хотел было, списать это дело на огрехи стрелка, но инспектор остановил его: «Пусть боец скажет». Драгунов ответил коротко и чётко: «Товарищ командир, смещение произошло оттого, что неверно выставлены прицельные приспособления».

Смелый ответ вызвал удивление.

– Ну что ж, придется тебе привести оружие к нормальному бою и стрельбу повторить. Справишься? – подзадоривая бойца, спросил инспектор.

– Справлюсь, товарищ командир.

– Хорошо, даю тебе 15 минут. Но учти, если не сможешь, чистить тебе сегодня конюшню.

За дерзость.

Драгунов взял дополнительные патроны – на пристрелку и десять штук в зачёт.

Когда он подошёл снова и доложил о том, что оружие приведено к нормальному бою и он готов к контрольной стрельбе, инспектор отменил стрельбу: «Нечего зря жечь патроны. Я вижу, ты и впрямь своё дело знаешь».

После этого случая в части о Драгунове заговорили как о настоящем ворошиловском стрелке. Теперь в его обязанности входило не только ремонт оружия, но и проведение занятий с начинающими стрелками.

Началась война. Евгения произвели в должность старшего оружейного мастера, но на фронт не отправили. Такие специалисты нужны были не на передовой. В мастерских он имел доступ не только к советским, но и трофейным зарубежным образцам. Здесь Драгунов подробно изучал особенности конструкций, сравнивал их, пробовал делать свои модификации. Не упускал он и возможности пострелять. А уж стрелок-то он был отменный. Сам случая не пропустит, чтобы поучаствовать в полковых соревнованиях. Наукой точной стрельбы он овладел не по чьей-то подказке. Драгунов всё постигал своим трудом и смекалкой.

После войны Драгунов возвращается на родной завод. На этот раз его принимают в Отдел главного конструктора – заводу нужны были и опыт, и знания молодого конструктора.

Между тем, ему поручается проведение усовершенствования механизма перезарядки снайперской винтовки Мосина обр. 1891/30 гг. Хороша была винтовка, и в боях показала она себя как очень надёжное и точное оружие. Но вот перезарядить её было не совсем удобно. Патроны вставлялись в магазин по одному – мешало низко посаженный прицел. В бою на процедуру перезарядки у солдата уходило много драгоценного времени. Вот и придумал

Драгунов как облегчить эту задачу. Им был разработан кронштейн новой конструкции, позволявший производить перезарядку винтовки при помощи обоймы.

Говорят, винтовка Мосина стала для Драгунова своего рода любимым коньком. В конце 40-х и начале 50-х годов, на базе «мосинки» Драгунов разрабатывает целую гамму спортивных винтовок. Без всякого преувеличения можно сказать, что Драгунов является основателем целого направления в создании советских высокоточных винтовок. При его

1954 год, на соревнованиях по стрельбе

непосредственном участии были сконструированы 27 (!) образцов (МЦ-50, МЦВ-50, «Зенит», «Стрела», «Тайга» и др.), многие из которых не раз принесли нашим спортсменам «золото» на международных соревнованиях самого высокого ранга.

В 1958 году Драгунову поручается разработка новой полуавтоматической снайперской винтовки. Уже тогда, на годы вперёд, советской военной наукой была сформулирована концепция боевой тактики снайперской войны. Согласно ей снайпер должен обла-

дать высокой мобильностью. От него требовалось умение вести точный, прицельный огонь в высоком темпе. В новых условиях снайпер уже не может работать по одиночной цели, длительное время выжидая её в заданной точке. Появились новые задачи, которые ставили перед конструкторами жесткие требования. Кроме высокой кучности, винтовка должна обладать небольшой массой, быть компактной, обеспечивать возможность ведения стрельбы из укрытия, из кабины наземного и водного транспортного средства, из вертолета, надёжно функционировать в любых боевых и климатических условиях: в жару и мороз, в сущь и проливной дождь.

Если разработчики АК делали ставку на массивный автоматический огонь, то в данном случае требовалось оружие иного принципа применения в бою. На одну цель требовалось расходувать один патрон!

Есть такая поговорка у снайперов-профи, своеобразная формула оценки оптимальности работы: «One shot – one kill». Лично я не вижу здесь какой-то кровавой гиперболы. Война есть война и у неё свои реалии. Кто более точен, у того больше шансов выжить и победить. О том, что это не праздная риторика, а требование, продиктованное самой философией боевых действий, свидетельствует такая статистика: во времена войны во Вьетнаме на одного убитого противника затрачено в среднем до 200 000 патронов. Вот вам и ответ, почему и кто проиграл эту войну.

Тогда же в 58-ом, Драгунов понимал, что для достижения столь жестких параметров ему придётся искать компромисс путём минимизации допусков на изготовление деталей и сохранения относительно большой массы оружия с длинным стволом, с одной стороны. С другой стороны, допуски должны обеспечивать безотказность работы в сложных условиях:

Е. Ф. Драгунов рассказывает о своей снайперской винтовке офицерам-слушателям курсов «Выстрел»

перепады температуры окружающей среды, повышенная влажность, запылённость и т. п. Что же касается повышения маневренности, винтовка, наоборот, должна быть короче и обладать малой массой. Особо важной была оптимизация работы газового двигателя. Для обеспечения безотказности работы автоматики давление пороховых газов при выстреле должно быть по возможности высоким, но для точности стрельбы, наоборот, требовались более низкие величины давления. Вот такие непростые проблемы были призваны решать Драгунов и его коллеги.

В этом конкурсе у Драгунова были два серьёзных конкурента: Александр Константинов и Фёдор Баринов. Наиболее продолжительное сопротивление оказала команда Константинова. Его образец обладал довольно высокой вероятностью попадания, существенно превосходил в технологичности производства и себестоимости, но проигрывал по безотказности и ресурсу деталей.

Ствольная коробка винтовки Драгунова изготавливается методом горячейковки с последующей механической обработкой. Затвор имеет три боевых упора. Автоматика винтовки основана на принципе отвода пороховых газов из канала ствола с коротким ходом поршня.

Технология изготовления ствола винтовки отличается от техно-

логии, применяемой для автоматов. Внутреннюю поверхность канала ствола винтовки получают методом редуцирования. После этого полученный канал подвергается «гладкой» электрополировке, т. е. от электрода по каналу идёт разряд и шлифует поверхность. Затем деталь поступает на участок электроэрозионной обработки, где погружается в рабочую жидкость на основе керосина. Внутрь канала вводится инструмент с точной копией нарежки. Подавая ток, оператор задаёт такой режим, что от электроразряда поверхность канала ствола приобретает точную копию геометрии инструмента. Таким образом «лишний» металл

как бы вымывается и образует нарезы. После этого на токарном станке обрабатывается внешняя поверхность ствола. В конце тех. процесса ствол подвергается термообработке, внутренняя поверхность канала ствола и патронник хромируются.

В итоге, по результатам конкурса, армейские спецы приняли решение – их выбор пал на СВД. В 1963 году СВД стала штатным оружием армейских снайперов.

С началом военных действий в Афганистане, возникла необходимость сделать СВД более компактной, т. к. она плохо вписывалась в ограниченное пространство БМП. Драгунов осторожничал. Опыт подсказывал, что складывающийся приклад может негативно повлиять на кучность боя. Тут требовался взвешенный и чётко проверенный подход. В качестве решения проблемы, он предлагает укоротить ствол и пламегаситель, однако сам понимает, что выигрыш тут не велик.

Одновременно, был проверен вариант СВД ударно-спусковой механизм которой допускал ведение автоматического огня. Однако относительно лёгкая винтовка, в которой применялся мощный винтовочный патрон, не обеспечивала необходимой точности стрельбы. Кроме того, импульс отдачи был настолько силён, что стрелка буквально откатывало назад вместе с оружием. Эту идею пришлось оставить.

А работу по винтовке со скла-

1979 год. Харьков, Высшее училище МВД. Драгунов демонстрирует огневые возможности СВД

дывающимся прикладом завершил коллектив во главе с Азарием Ивановичем Нестеровым – опытным конструктором, проработавшим к тому времени в ВПК около 40 лет. Так появились два рабочих варианта СВД со складавающимся прикладом. Один из них, со стволом 620 мм, получил индекс СВДС-А, т. е. «армейский». Другой со стволом, укороченным до 590 мм, назывался СВДС-Д – «десантный».

Комиссия приняла решение оставить только десантный вариант с названием СВДС. В последствии СВД также претерпела некоторые изменения. В частности деревянные приклад и накладки цевья были заменены на более прочные, удобные и долговечные детали из стеклонаполненного полиамида.

Ещё раньше, когда я работал над материалами о Драгунове, мне доводилось беседовать с людьми, близко знавшими Евгения Федоровича. Каждый считал своим долгом отметить его мягкий, спокойный, как сейчас модно говорить, неконфликтный характер. Его многосторонний талант конструктора являлся продолжением глубинных личностных черт. Драгунов навсегда остался в памяти своих коллег и друзей как человек высокого чувства долга. Как гуру, он щедро передавал свои знания и опыт молодым инженерам. Многие из них сегодня сами первоклассные специалисты, но и по сей день отзываются о Драгунове, как о своём наставнике. И уж кто-кто, а он то в первую очередь заслуживает звания Учителя.

Бывали, впрочем, и почти анекдотичные воспоминания. Юрий Константинович Александров, ныне заместитель главного конструктора, в 60-е годы входил в группу Драгунова, и в его обязанности входило проведение испытаний снайперской винтовки самого разного уровня и сложности.

Как-то, утомлённый очередными стрельбами, в которых мне довелось участвовать с Александровым, услышал я от него такой рассказ:

– Однажды командировали меня на центральный стрелковый полигон, где проводились отборочные испытания конкурсных изделий. Кроме меня там собрался

весьма уважаемый коллектив, в том числе и Сергей Гаврилович Симонов. По правилам испытаний, после настрела определённого количества патронов, делали небольшой перерыв. Потом стрельбы возобновлялись. Вижу, тяжело приходится нашему изделию. Вот бы чем-то смазать направляющие, – подумал я про себя. Однако по регламенту испытаний этого делать было нельзя. Решил я всё же рискнуть. Вопрос уперся в проблему – под рукой ничего подходящего не оказалось. Смотрю, на скамеечке сидит Симонов, пьёт чай из термосочка и закусывает колбасой. Хорошая, такая, колбаска, жирная.

Подхожу я к нему и, переминаясь с ноги на ногу, спрашиваю: – Не угостите ли, Сергей Гаврилович, колбаской? Симонов был мужиком добрым и не жадным: «Бери, не стесняйся, Может тебе и чайку плеснуть?»

– Да нет, спасибо, кусочек колбаски будет как раз в пору, отвечаю я, а сам колбасу то не ем, а направляюсь к себе на позицию. Выждал момент, когда за мной, как мне казалось, никто не наблюдал. Не снимая крышки, отвёл затворную раму в заднее положение, просунул в щель колбасу, натёр ею направляющие. Даже на затвор хватило. Остаток колбасы тут же проглотил.

Отстрелялись мы успешно, без задержек. В конце дня пошли к автобусу. Тут, слышу, меня кто-то за рукав тащит. Обернулся, а это Симонов: – Ну и хитёр же ты, Юра. Я думал ты и в самом деле проголодался, а ты...

Ну, думаю, как же мне, а Симонов подмигнул и тихо шепчет: «Не бойся, я никому не скажу. Винтовка и впрямь у вас получилась отменная...»

Признание коллег профессионалов – лучшая награда для конструктора-оружейника и самая ценная рекомендация его образцу. Е. Ф. Драгунов и его винтовка по праву заслужили и то, и другое. 🍀